

РАЗДЕЛ «ПОЛИТОЛОГИЯ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCE»

ГЕОПОЛИТИКА И ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ /
GEOPOLITICS AND FOREIGN REGIONAL STUDIES

Серия «Политология. Религиоведение»
2014. Т. 9. С. 11–32
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 330.14+314.7

**Человеческое развитие, современные политические
условия и международная миграция***

В. В. Рувинский

*Университет Исеси, г. Кали, Колумбия;
Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

Аннотация. Основная цель данной работы состоит в том, чтобы показать возможность конструирования новой теоретической модели, которая бы позволила объяснить феномен международной миграции, принимая во внимание политические реалии начала XXI в. Для этого, прежде чем приступить собственно к представлению новой теоретической модели миграционных процессов, автор критически рассматривает основные аналитические подходы, утвердившиеся в изучении миграции в современной науке. В результате данного анализа делается вывод о том, что несмотря на то, что многие из предлагаемых подходов оказываются полезными для понимания определенных аспектов миграционных процессов, отсутствует модель, которая бы позволила анализировать международную миграцию как глобальный процесс и которая бы позволила оценивать миграционную динамику *in toto*, а не фиксируя внимание на каком-либо одном ее измерении, пусть и наиболее значимом с той или иной дисциплинарной позиции. Автор показывает, что появление подобной модели, во-первых, является необходимым шагом для более полного понимания природы современных миграционных процессов, а, во-вторых, что такая модель может быть сконструирована на основе теории структурного насилия Йохана Галтунга и концепции человеческого развития и безопасности человека.

Ключевые слова: миграция, теории миграции, структурное насилие, человеческое развитие, безопасность человека.

1. Введение

За последние годы в академической литературе, посвященной темам, связанным с динамикой международных миграционных процессов¹, основ-

* Статья подготовлена при поддержке N 14.B37.21.0282 26/07/2012 Political modernization of Russian regions: challenges and risks. Russian Ministry of Education and Science Irkutsk State University; в рамках проекта «Иркутский государственный университет. Программа стратегического развития». Проект Р 222-МИ-006.

¹ В этой работе рассматриваются только вопросы, связанные с добровольной миграцией. Проблемы вынужденной миграции не рассматриваются.

ные дебаты разворачиваются вокруг вопросов, связанных с проблемой, какой из детерминантов миграции считать решающим для определения миграционной динамики, сколько внимания должно уделяться тем или иным социальным, экономическим и политическим факторам, влияющим на решение того или иного человека или той или иной семьи, или группы людей, в отношении того, сто́ит ли менять место жительства, сто́ит ли оставаться на новом месте жительства, вернуться ли туда, где жили раньше, или искать другое место жительства². Даже в тех случаях, когда мигранты не пересекают границ своего государства, а только внутренние административные, перемены, связанные с переездом на новое место жительства, обычно влекут за собой значительные изменения качества жизни. В случае же с международной миграцией, когда речь идет уже о пересечении национальных (политических) границ, изменения могут быть кардинальными.

В то же время необходимо отметить, что не существует какой-либо «общей» теории международной миграции, которая считалась бы основной или универсально принимаемой и рассматривала бы процесс миграции в целом. По этой причине правильнее говорить не о теории миграции, а о теориях миграции, которые сосуществуют в научной среде, пусть и не всегда мирно. Во многих случаях исследователи предпочитают использовать те модели, которые им кажутся наиболее подходящими для рассмотрения того или иного сценария или конкретного эпизода в локальном, региональном, национальном или международном контексте.

И тем не менее именно сегодня, несмотря на большой выбор теоретических моделей и дисциплинарных подходов, с углублением процессов глобализации остро стоит вопрос о необходимости лучшего понимания динамики международной миграции. Другими словами, существует запрос на концептуальную модель, которая бы позволила собрать воедино все разнообразие политических, экономических, социальных и культурных факторов. Эта необходимость вызвана, *inter alia*, наличием интереса не только со стороны властных кругов, принимающих политические решения в отношении миграционной политики, но и тех акторов, включая гражданское общество, средства массовой информации и академическую среду, кто имеет возможность участвовать, в большей или меньшей степени, в конструировании публичной политики в области миграции. Очевидно, что для современной России эта задача является одной из приоритетных.

С другой стороны, говоря о «практической» или «прикладной» составляющей изучения миграционных процессов, можно заметить, что интерес обычно проявляется в стремлении оценить, в первую очередь, экономический эффект миграции, а когда речь идет о международной миграции, то те же факторы рассматриваются уже в контексте экономических изменений внутри оставляемой мигрантами страны и принимающего государства. Это в свою очередь открывает путь к оценке возможностей и потерь для экономик этих

² См., напр.: [14; 21; 34; 32] и др.

стран и, в меньшей степени, для анализа других факторов, связанных с миграционными процессами.

Наверное, поэтому не стоит удивляться тому, что, в свете изменений динамики международных миграционных потоков в последние годы, особая важность придается вопросам, связанным с оценкой экономической составляющей международной миграции, в частности денежным переводам на родину, осуществляемым мигрантами и позволяющим близким и родственникам мигрантов поддерживать соответствующий уровень жизни³. Зачастую эти же самые переводы позволяют местным политикам успешно снижать социальную напряженность без необходимости искать какие-либо другие решения. В противном случае уровень социальной напряженности в тех сообществах, где существенная часть населения мигрировала в страны, дающие возможность более высоких, нежели на родине, заработков, может достигнуть угрожающих размеров, как это показали примеры, скажем, центральноамериканских государств, где за последние годы целые районы приобрели зависимость от денежных переводов из-за границы, а значительная часть оставшегося населения попросту перестала работать, став полностью зависимыми от переводов из-за границы⁴.

В то время как экономическая и политическая ситуация в США благоприятствовала мигрантам, социально-экономическая ситуация в Центральной Америке была относительно благополучной. Однако в настоящее время, с ростом числа возвращающихся мигрантов и уменьшением денежных переводов, в некоторых местностях произошел настоящий социальный взрыв, характеризующийся ростом преступности, ухудшением уровня жизни, отменой многих общественно значимых проектов и, в целом, значительным ослаблением основных институтов государства [18]. Стоит отметить, что даже несмотря на то обстоятельство, что непосредственным поводом к изменению ситуации стало прекращение денежных потоков и возврат трудовых мигрантов, вряд ли можно объяснить весь комплекс проблем, испытываемых центральноамериканскими государствами, только экономическими факторами миграции.

Схожая ситуация наблюдается и в других странах, где ослаб приток денежных средств, посылаемых мигрантами, а многие из самих мигрантов вынуждены вернуться на родину. В этих странах новые сценарии получили название «проблемы возврата», а правительства некоторых стран – «поставщиков» мигрантов даже поспешили провести срочные структурные изменения, создав специальные подразделения в органах государственного управления, призванные заниматься исключительно вопросами, связанными с «возвращенцами»: от вопросов их легального статуса и открытия банковских счетов до создания специальных городков, заселяемых только возвращающимися мигрантами [27].

³ См. критический обзор, предлагаемый [25]. Согласно данным Всемирного банка, в 2013 г. развивающиеся страны получают около 411 млрд долл. в денежных переводах, которые отправляют мигранты. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2013/10/02/developing-countries-remittances-2013-world-bank>.

⁴ См. в качестве примера подробный анализ ситуации в Латинской Америке в [28].

Но даже в тех случаях, когда речь не идет о массовом возвращении мигрантов, эксперты, использующие существующие теоретические подходы, не всегда справляются с задачей всесторонне и в полной мере оценить миграционную динамику, а зачастую именно такого плана исследования востребованы при выработке новой политической стратегии и необходимости принятия комплексного политического решения. Взять, к примеру, трения между мигрантами и местным населением в различных регионах России, включая события осени 2013 г. в Бирюлево. При оценке причин, хода развития и последствий этих конфликтов, связанных с миграционной динамикой современной России, приверженцы той или иной концептуальной модели, того или иного дисциплинарного подхода будут по-разному расставлять акценты и уделять внимание разным граням феномена миграции в постсоветской России: одних будут интересовать экономические составляющие миграционной динамики и та роль, которую стали играть мигранты на рынке труда в первые десятилетия нового века; других же будут интересовать проблемы культурной и религиозной толерантности российского населения. Третьим будут казаться наиболее важными факторы, связанные с коррупционной составляющей существующей политической системы. Четвертые увидят в произошедших событиях признаки усиления националистических настроений в определенной части российского общества. Пятым будет интересовать участие легальной части мигрантов в политических процессах, таких как выборы. Шестые приложат усилия к тому, чтобы выяснить, насколько устойчивы социальные сети мигрантов. Седьмым привлечет вопрос, каким образом вероятное изменение миграционной политики России может отразиться на ее отношениях со странами ближнего зарубежья и т. д. Список можно продолжать довольно долго.

Так как всех этих исследователей хотя и будет интересовать один и тот же феномен, а именно международная миграция, в силу того что их внимание приковано к разным аспектам этого феномена, задаваемые ими вопросы будут различаться. Соответственно и получаемые ими ответы будут разными. И, несмотря на то что речь будет идти, как можно надеяться, о добросовестном и скрупулезном анализе, в результате будет сложно получить цельную картину происшедшего. Даже в том случае, когда исследование будет многосторонним и междисциплинарным, останется открытым вопрос, какой из факторов считать решающим в определении динамики развития событий.

Несомненно, необходимость существования и совершенствования теорий, концепций, подходов и моделей, которые сфокусированы только на одном определенном аспекте миграции, оправдана. Помимо всего прочего, многие из них отвечают устоявшимся научным парадигмам, имеют выверенные временем методики исследования, свой проверенный научный инструментарий и солидный научный багаж из книг, статей и другого вида научной продукции. Поэтому необходимо подчеркнуть, что речь не идет об их отрицании. Напротив, как будет показано ниже, каждый из существующих подходов позволяет довольно точно оценить ту или иную сторону феномена миграции. Данная работа представляет собой призыв иного рода, а именно к необходимости выйти за рамки ожиданий генерации нового научного знания, которое

тесно связано с требованиями нахождения срочных, а иногда даже авральных решений, порожденных проблемами миграции. Другими словами, речь должна идти не столько о необходимости концентрации усилий исследователей для переосмысления существующих научных подходов, доминирующих в социальных дисциплинах и призванных объяснить динамику международной миграции, а о поиске возможностей для изменения самого характера подхода к изучению рассматриваемого феномена.

Именно поэтому основная цель данной работы состоит в том, чтобы показать возможность конструирования новой теоретической модели, которая бы позволила рассматривать феномен миграции как цельный процесс. Для этого, прежде чем приступить собственно к представлению новой теоретической модели миграционных процессов, в следующей части работы автор критически рассматривает основные теоретические подходы, утвердившиеся в изучении миграции в современной науке.

Подобный критический обзор необходим в силу того, что несмотря на тот факт, что, как уже упоминалось выше, многие из предлагаемых подходов оказываются полезными для понимания определенных аспектов миграционных процессов, отсутствует теоретическая модель, которая бы позволила рассматривать миграцию как глобальный процесс и которая позволила бы оценивать миграционную динамику *in toto*, а не фокусируясь на каком-либо одном ее измерении, пусть и наиболее значимом для той или иной дисциплинарной позиции.

II. Основные теории миграции

Миграция известна человечеству с незапамятных времен. В исторической перспективе люди мигрировали в силу множества причин: одни из-за любопытства, другие в поисках свободных земель и лучшей жизни, третьи – спасаясь от преследований и притеснений. Какие-то из этих переселений ждал счастливый конец, другие же заканчивались трагически. И все же, несмотря на различие мотиваций и разнообразие миграционных сценариев, можно с уверенностью говорить о том, что миграция присуща самой природе человека и была всегда, являясь важной частью истории человечества.

Если же говорить о научном подходе к изучению миграции, то его начало было положено во второй половине XIX в., и к настоящему времени социальными науками, в частности социологией, антропологией, демографией, социальной психологией, политической и экономической науками, а также исторической наукой накоплен достаточно большой опыт в изучении этого феномена. Многие работы имеют фундаментальное значение для развития своих дисциплин и совершенствования методики исследований. С другой стороны, отсутствие какой-либо общей теории миграции или концептуальной модели, которые бы позволили рассматривать миграционные процессы в целом, может считаться одной из главных проблем, с которой сталкиваются те исследователи, которые ставят перед собой задачи оценки сценариев на средне- и долгосрочные перспективы. По этой причине во многих случаях пред-

ставители социальных наук предпочитают концентрировать свое внимание на изучении конкретных случаев и сценариев, «кейсов», связанных с миграционными процессами, и уделять внимание тому или иному аспекту проблемы, нежели совершенствованию теоретической базы. Количество научных работ, в которых авторы рассматривают теорию глобальных миграционных процессов, очень незначительно. Кроме того, часть из них ограничивается констатацией ситуации без попытки предложить выход. Попытаемся разобраться в том, каковы же причины этих трудностей.

В изучении феномена миграции к классическим относятся в первую очередь экономические теории, которые стремятся выявить определенные экономические закономерности динамики миграционных процессов. В том, что касается эмиграции, то перемещение мигрантов объясняется с помощью концепций и моделей, используемых в макроэкономике. Особое внимание уделяется структурным особенностям международного разделения рынка труда и экономическому неравенству в разных частях мира. В том, что касается внутренней миграции, то она рассматривается как следствие наличия экономических различий между разными частями страны и перемещения мигрантов из менее развитых зон в более развитые. Классический пример подобной миграции – это миграция из сельской местности в города.

Говоря о «классике» изучения динамики миграционных процессов, нельзя не упомянуть имя Эрнста Георга Равенштейна (1834–1913). Влияние Равенштейна на развитие теоретической базы изучения миграции сложно переоценить. Его одна из самых известных работ, «О законах миграции» [39], представляет собой одну из самых первых попыток выработки общей модели миграции. По Равенштейну, миграция – это феномен, который обязан своим существованием рыночной экономике и законам спроса и предложения. Поэтому, согласно этой теории, экономические причины являются главными детерминантами миграции, определяющими предпочтения мигрантов, и международная миграционная динамика всегда связана с изменениями экономической ситуации в той или иной части мира.

Равенштейн был первым, кто предложил до сих пор широко используемую концептуальную модель миграции, построенную на принципе *pull and push* («тяги-толкай»), согласно которой решающее значение имеют факторы привлекательности и «выталкивания», напрямую связанные с экономическими показателями и неравенством между различными частями страны или между разными странами, которое, в большинстве случаев, может быть определено путем сравнения размеров заработной платы. Последователи Равенштейна, в частности Эверетт Ли [25], который добавил к теории первого необходимость принимать во внимание такие атрибуты, как пол, возраст и семейное положение мигрантов, хотя и стремились представить свои работы как новые теории миграции, по своей сути ненамного отступали от принципов изучения миграции, предложенных еще в XIX в.

При всей своей кажущейся простоте и привлекательности главная проблема подхода к изучению миграции, берущего свое начало в работах Равенштейна, на наш взгляд, заключается в том, что в этой модели мигранту отво-

дится роль пассивного участника событий, от которого мало что зависит. Решающая роль принадлежит объективным экономическим процессам.

Не отрицая важность факторов экономического развития и экономического неравенства между странами, подобный подход может быть применим, скорее, к объяснению миграции в конце XIX – первой половине XX в., с особенностями политических условий, существовавших в тот период, о чем речь пойдет ниже. Пока же достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что в начале XXI в. говорить о пассивной роли мигранта не приходится. В наши дни мигрант является самым что ни на есть активным участником миграционного процесса. В этой перспективе экономические модели значительно теряют свою аналитическую привлекательность, так как испытывают серьезные трудности в тех случаях, когда речь заходит о необходимости объяснений таких фактов, как то, что мигранты, обладающие схожими социально-экономическими характеристиками и начинающие миграцию из одних и тех же районов, зачастую ведут себя по-разному в одинаковых экономических условиях. Экономические теории также не могут объяснить процесс принятия решения мигрантами и ответить на вопрос, почему мигранты из одних и тех же районов выбирают разные направления своей миграции.

Публикация статьи Ли в 1966 г. [25] пришлась на период более общей ревизии теорий и концепций в социальных науках, которой характеризуются 60-е гг. прошлого века⁵. Именно в этот период появляются и первые работы Галтунга, к которым мы вернемся в дальнейшем. Сейчас же нам важно определить, какие именно изменения были привнесены в классические экономические теории миграции в 1960-е гг. Так, в том, что касается макроэкономического подхода, поиски общей теории миграции признавались перспективными только в тех случаях, если исследователь работал с большими массивами информации, такими как данные переписей населения, акты записи гражданского состояния, разнообразные статистические данные, которые охватывали значительные временные промежутки и большие географические пространства, например целые страны или целые регионы. В этой макроэкономической перспективе миграция являлась результатом развития тех сценариев, которые могли быть описаны на основе законов экономики и принципа баланса.

Несомненно, работа с большими объемами информации явилась своеобразной информационной революцией в области изучения миграции и позволила выявить интересные закономерности. И все же, если говорить об общей теории миграции, то улучшенные макроэкономические модели 60-х и 70-х гг. прошлого века не избавили их от уже ранее упомянутых недостатков, присущих практически всем экономическим моделям миграции, а именно отсутствие возможности более общей генерализации и зависимость роли самих мигрантов в миграционных процессах.

В социальных науках период 80-х гг. XX в. – это усиление интереса к возможностям, которые дает отказ от макроперспективы в пользу анализа микро. В это время новые исследования феномена миграции могут быть оха-

⁵ См. обзор имевших место дискуссий в тот период, напр. в [44].

рактированы обращением исследователей к микроанализу, который позволил дополнить общее видение процесса на основе результатов, полученных благодаря изучению местной динамики и региональных различий. Речь идет о продольном анализе, ставшем популярным в демографии; особом внимании, уделяемом жизнеописаниям мигрантов; исследованиям семьи и других, ранее не принимавшихся во внимание, факторов [11]. В отличие от макроэкономического подхода, в случае с анализом микро мигрант уже предстает перед нами как несколько более активный актор, который хотя и не может влиять напрямую на изменение внешних условий, тем не менее обладает несколько большей автономией в том, что касается принятия решений.

Однако если говорить о задаче выработки общей теории миграции, то и подход микро не лишен существенных недостатков. В частности, уменьшение числа изучаемых мигрантов, сложности, связанные с методикой и практической организацией опросов, проблемы реконструкции жизнеописаний мигрантов подчас вынуждают ставить вопросы об академической легитимности выводов, которые делаются на основе микроанализа.

Поиски новой теории миграции осуществлялись и в рамках подходов, разработанных на основе неоклассической экономической теории. Здесь следует упомянуть такие работы, как [9; 23; 26]. Отталкиваясь от основных постулатов классической теории и признавая существование различий и дисбаланса между разными регионами, исследователи миграции, используя эту теорию, уделяют значительно большее внимание индивидуальной линии поведения и потенциалу каждого конкретного мигранта. С этой точки зрения, миграция – это результат селективных действий и решений, принимаемых индивидуально каждым мигрантом, но в рамках анализа с использованием инструментария экономической науки, таким образом накладывая существенные ограничения в отношении возможностей делать далеко идущие выводы в том, что может касаться анализа миграции в целом.

Схожие подходы были применены и в новоэкономических теориях миграции, нашедших свое отражение в таких работах, как [24]. И тем не менее, несмотря на очевидный дисциплинарный прогресс, приходится вновь констатировать, что основанные на экономических моделях и по этой причине не придающие должного значения влиянию других, не связанных напрямую с экономикой факторов, неоклассические и новоэкономические предложения ненамного приблизили исследования миграционных процессов к моменту появления более универсальных теорий миграции.

Ранее уже упоминалось о важности ревизионизма 1980-х гг. в социальных науках для обновления дискуссии о том, какой должна быть теоретическая база изучения миграции. Одним из последствий этого стало принятие на «вооружение» исследователями теории социальных сетей мигрантов (*migrant human networks*). Первые работы, в которых использовались концептуальные модели социальных сетей мигрантов, увидели свет даже ранее, чем 1980-е гг. В то же время основной расцвет сетевых теорий пришелся на последние два десятилетия прошлого века [30; 40]. В более поздних работах речь идет уже о существовании современных транснациональных сетей мигрантов, которые

играют роль вербовщиков новых мигрантов, а также принимают активное участие во многих других аспектах жизни мигрантов. Пользуясь большой популярностью до настоящего времени концептуальные модели транснационализма и влияния миграции на процессы развития [37; 38] берут свои истоки в ставших уже классическими более ранних работах, введших в научный оборот основные понятия и принципы изучения социальных сетей мигрантов.

На наш взгляд, заслуга авторов теорий социальных сетей состоит даже не в том, что внимание исследователей приковано уже не к экономической составляющей миграционной динамики, а к изучению социально значимых устойчивых личных связей. Важность этих теорий состоит в первую очередь в том, что ее авторам удалось показать – и доказать – само существование подобных достаточно устойчивых сетей, которые оказывают большое влияние на процесс принятия решений мигрантами и, таким образом, могут влиять на динамику миграционных процессов. Но, к сожалению, и эти теории не отвечают требованиям, которые могли бы быть предъявлены к общей теории миграции, так как не могут во многих случаях объяснить должным образом глубинные причины, которыми определяется миграционная динамика, а лишь позволяют зафиксировать и описать одну из характеристик современной миграции, которую раньше другие не принимали в расчет или попросту не замечали.

Необходимо заметить, что рассмотренными выше основными теориями миграции круг теоретических предложений в области изучения миграции отнюдь не ограничивается. Включение в наш обзор именно этих теорий, а не каких-либо других, объясняется тем фактом, что большинство из тех теоретических подходов, которые можно найти в современной академической литературе, сконструированы на базе классических или неоклассических экономических теорий или же на базе теории социальных сетей. Важен также тот факт, что рассмотренные теории не являются взаимоисключающими, и, как подчеркивает Хейн де Хаас [21], основной вызов для дальнейшего развития теоретической базы изучения миграционных процессов заключается в нахождении возможностей для синтеза уже существующих подходов. С другой стороны, хотя усилия в направлении синтеза теорий миграции и предпринимаются (правда, не так часто, как этого бы хотелось)⁶, создается впечатление, что все еще не удается найти ту ось, наличие которой позволило бы достигнуть ощутимого прогресса. Появление же подобной модели является необходимым шагом для более полного понимания природы современных международных миграционных процессов.

На наш взгляд, одно из направлений, которое открывает путь к возможному конструированию искомой модели, – это обращение к теории структурного насилия, предложенной Йоханом Галтунгом еще в 1969 г. [16], и концепции человеческого развития и безопасности человека, впервые озвучен-

⁶ Было бы неверно говорить об отсутствии дискуссии в этом направлении. Из тех работ, которые оказали значительное влияние на определение направлений ведущихся по сей день дискуссий, нельзя не упомянуть [15; 30]. Полезное обобщение теорий миграции дается в [22]. В русскоязычной среде в основном появляются обзорные работы, такие как, напр., [1; 3], которые можно расценивать как важный элемент постановки проблемы.

ной в Докладе программы развития Организации Объединенных Наций в 1994 г. [41]. Однако прежде чем приступить к объяснению предлагаемой новой концептуальной модели, необходимо уделить внимание рассмотрению изменения политических условий за последние полвека, так как эти изменения привели к трансформации глобального контекста, в котором протекают миграционные процессы. Анализ процессов, особенно тех, которые начались после Второй мировой войны, позволит по-новому взглянуть на вопрос, каким может быть подход к рассмотрению динамики миграционных процессов в целом.

III. Международная миграция в современных политических условиях

Ввиду отсутствия общей теории миграции не должен вызывать удивления тот факт, что в научной среде нет согласия и в том, что следует понимать под миграцией, в частности под международной миграцией. Как мы увидим в дальнейшем, просто определить международную миграцию как перемену места жительства, которая влечет за собой пересечение государственных (политических) границ, будет недостаточно. И, несмотря на это, зачастую авторы публикуемых научных работ избегают необходимости четко обозначать свое понимание концепции миграции. Но в этой работе нам не избежать обсуждения понятия миграции.

В целом в научной литературе можно выделить несколько основных подходов к концептуальному определению миграции. Различия между ними связаны с той долей внимания, которая уделяется тому или иному параметру миграции – территориальному (географические параметры миграции), временному (продолжительность и цели – в том, что касается продолжительности пребывания на новом месте) и социальному (значительность изменений).

Точкой отсчета можно считать определения, которые предлагают понимать под миграцией перемещение людей или перемену места жительства на некоторое, но *достаточно значимое*, расстояние от своего предыдущего места жительства, с целью *постоянного или продолжительного пребывания* на новом месте. В случае с международной миграцией в определении, которое, например, предлагают Леон и Ребека Гринберги [9], говорится о том, что миграцией должен считаться тот процесс, в результате которого люди становятся иммигрантами и эмигрантами, и в котором имеет место изменение страны местожительства или переезд из одного региона в другой, *существенно отдаленный от прежнего*, на *достаточно продолжительное время* и с *целью прожить* в другой стране и участвовать в той же повседневной жизни, что и другие люди, живущие там.

Может показаться, что эти определения миграции (как первое, более общее, так и второе, затрагивающее только международную миграцию) являются исчерпывающими и достаточно общими, чтобы говорить о миграционных процессах в целом. Однако кроме факта физического пребывания в другой стране возникает множество вопросов, на которые рассматриваемые определения ответа не дают: какое расстояние будет достаточно большим для

того, чтобы считать людей действительно мигрантами? Сотни, одна тысяча километров – что в России, особенно в Сибири, и за расстояние-то может не считаться, или несколько тысяч километров? Или что считать участием в повседневной жизни? Обучение детей в местных школах, владение недвижимостью и оплата коммунальных счетов? Покупки в местных магазинах? Участие в выборах? Место работы или нахождения основного источника дохода? О каком сроке пребывания за границей должна идти речь? Год, два, пять? Однако, на наш взгляд, даже ответив на все эти вопросы, мы не сможем дать полноценное определение международной миграции. Дело в том, что суть определения должна быть в другом.

Нельзя забывать о том, что на сегодняшний день значительную часть мигрантов составляют те мигранты, для которых окончательные сроки своего нахождения за границей не являются фиксированными или четко известными значениями (трудовые мигранты, профессионалы, инвесторы и т. д. и т. п.). В то же время процесс перемещения даже «классических» иммигрантов из одной страны в другую или их возврат в ту страну, которую мигрант покинул много лет назад, может считаться важной составляющей общей динамики международной миграции. А как быть с теми случаями (их становится все больше), когда люди предпочитают проводить довольно значительную часть года в другой стране, где нет, скажем, зимы и где они обладают всеми необходимым документами, такими как постоянный вид на жительство или даже гражданство? Ведь в тех странах, откуда эти люди уезжают на «зимовку» в теплые края, могущую продолжаться большую часть года, их не считают эмигрантами. Очевидно, что легальный подход, т. е. фиксация внимания на факте наличия документов, позволяющих находиться неопределенное время в другой стране, не является достаточным основанием считать этих людей иммигрантами, по крайней мере с той точки зрения, которая интересует нас в этой работе.

Более того, стоит отметить, что даже когда речь идет об изменении законодательства, которое усложнило в некоторых странах возможность легализации так называемых недокументированных мигрантов или сделало более сложным легальное продление разрешения нахождения в той или иной стране, это хотя и повлияло на динамику миграционных процессов, но далеко не в той степени, как можно бы было предположить поначалу. Ведь во многих из тех стран, куда стремятся мигранты, в должной мере соблюдаются права человека, а степень влияния гражданского общества на политику правительств этих стран достаточно высока, что, в свою очередь, позволяет многим мигрантам продлевать свое пребывание бесконечно долго. Только в сравнительно немногих случаях основная причина возврата на первоначальное место жительства связана с депортацией или отказом разрешительной системы на продление пребывания за границей.

Таким образом, в определении миграции на первый план уже выходит не столько констатация самого факта физического пребывания человека за границей, пусть и довольно продолжительное время, сколько иных факторов. На наш взгляд, таким решающим фактором может являться **социальная перцепция мигранта** в отношении динамики и детерминант миграционного процесса.

В психологии под социальной перцепцией понимается целостное восприятие людьми окружающей их материальной среды и социальных ситуаций. Для нас важно отметить, что с этой концептуальной позиции человек не является пассивным наблюдателем процессов, которые влияют на его восприятие, а пытается изменить свое восприятие в более благоприятную для себя сторону. Очень важна субъективная интерпретация тех или иных событий, которая может повлиять на оценку социальных сценариев тем или иным человеком и, в нашем конкретном случае, на принятие решения о миграции, продолжительности пребывания в той или иной стране, на решение о возвращении в покинутую когда-то страну или о поиске нового места жительства.

Благодаря вышеописанному концептуальному заимствованию, мы можем сделать важный шаг в сторону начала преодоления трудностей, присущих традиционным теориям миграции при построении теоретической модели, которая бы позволила рассматривать миграцию в целом, а именно перейти от характеристики роли мигранта как пассивной к активной в тех моделях, которые описывают миграционные процессы.

Следует уточнить, что когда речь идет о «пассивной» или «активной» роли мигранта, то имеется в виду фокус анализа: если в случае с экономическими теориями центральное место в анализе отводится рассмотрению экономических сил процесса миграции, то в нашем случае это – процесс формирования перцепций мигранта. Однако простой перемены знака «минус» на знак «плюс» в случае с ролью мигранта будет недостаточно. Связано это с тем, что предпринятая перемена сама по себе еще не объясняет, каким образом меняются сценарии миграции. Для того чтобы понять процесс перемены, нужно объяснить изменение политических условий, в которых поведенческая перемена мигранта стала возможной.

При рассмотрении эволюции политических условий, в которых протекает международная миграция, точкой начала отсчета могут служить процессы, связанные с перемещением значительного числа людей между разными континентами во второй половине XIX – начале XX в. Вспомним, для примера, конфликты в Европе и вынужденную миграцию, когда страны-победители в качестве «награды» получали целые территории, ранее принадлежавшие побежденным государствам.

Однако речь должна идти не только о последствиях вооруженной конфронтации стран, а и о глобальных процессах, которые протекали одновременно с усилением роли государств, центральных акторов на международной арене, в том, что касается определения и регулирования миграционных потоков. В течение довольно долгого периода именно правительства независимых государств обладали необходимыми инструментами планирования и регулирования сценариев, связанных с миграцией. Кроме того, они обладали практически монополией на подобное планирование и регулирование. Многие из исторических политических стратегий в области международной миграции довольно хорошо известны широкому кругу людей даже в наши дни. Достаточно привести в пример иммиграционную политику США начала прошлого

века, информация о которой в доступном формате ежегодно доводится до порядка 2 млн посетителей острова Эллис.

Однако есть и другие примеры, недостаточно известные не только широкой публике, но и специалистам. Так, скажем, мало кто помнит сегодня, особенно за пределами Латинской Америки, что императорская Япония с конца XIX до середины XX в. проводила достаточно активную политику внешней миграции за пределы Азии. Наличие влиятельных японских диаспор в таких странах, как Перу, Бразилия и Колумбия является следствием претворения в жизнь этой политики. Для целей нашей работы важно отметить то обстоятельство, что правительство Японии применяло, выражаясь современным языком, «комплексный» подход к вопросам миграции, и хотя в определенный период Токио действовал даже не напрямую, а через уполномоченные компании, японская государственная машина никогда не выпускала из своих рук «возжи» управления процессом и рассматривала свою миграционную политику как возможность укрепления дипломатических и коммерческих связей на уровне государств [13].

Вторая мировая война также способствовала значительному перемещению мигрантов. После войны произошли кардинальные перемены в том, что связано с международной миграцией. Речь идет, в первую очередь, о принятии Всеобщей декларации прав человека. Хотя принятие Декларации в 1948 г. и не привело к немедленному изменению отношения государств к вопросу планирования и регулирования миграции, этот документ, имеющий силу резолюции Генеральной Ассамблеи ООН⁷, зафиксировал начало постепенного изменения норм и практики в том, что касается миграции: статья 13 Декларации предусматривает, что «каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства», и что «каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну».

Одна из важных характеристик, которая отличает формальные международные организации, такие как ООН, от других международных институтов, заключается в способствовании успеху формирования новых норм и постепенного утверждения практики их применения на все большей территории, особенно тех норм, которые могут казаться в момент их появления, неприемлемыми для части государств. Механизм этого процесса подробно описан Кеннетом Абботтом и Дунканом Снидалем [8], а также Мартой Финнемор и Катрин Сиккинк [15].

Изначально включение права на миграцию в текст Всеобщей декларации прав человека стало возможным благодаря, с одной стороны, положительному мнению составителей Декларации об опыте довоенной миграции, которая была, по большей части, организованной и имела позитивный эффект для государств как в плане эмиграции, так и иммиграции и, не в последнюю очередь, в контексте трансфера знаний и культурного взаимодействия [33]. С другой стороны, статью 13 можно, конечно, считать и ответом на чрезвычайные социально-экономические трансформации глобального масштаба, вы-

⁷ Резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.

званные войной, и последствия массовых принудительных переселений. В любом случае признание миграции одним из фундаментальных прав человека и влияние, которое имело это признание на изменение политических условий, в которых протекает современная международная миграция, сложно переоценить: если в послевоенный период речь шла о нескольких миллионах международных мигрантов⁸, то к началу второго десятилетия XXI в. число людей, которые живут в странах, отличных от тех, где они родились, возросло до 230 млн⁹. И в отличие от того, что может показаться стороннему наблюдателю после чтения газет или просмотра телевизионных новостей, подавляющее большинство из этих 200 млн людей – это полностью легальные мигранты. Изменилась и география международной легальной миграции, которая все больше охватывает африканский и азиатский континенты, чему, безусловно, способствовала новая миграционная политика Китая – неотъемлемая часть общей внешнеполитической стратегии этой страны, известной как *going out*.

Подобный масштаб международной миграции был бы немислим, если бы политические условия, в которых протекает миграция, оставались бы такими же, как 100 лет назад. Несомненно, международная миграция во всех ее проявлениях является сегодня одним из самых значимых пунктов повестки дня правительств многих стран в силу того политического веса, который имеют вопросы, так или иначе связанные с этим феноменом, в государствах с большими миграционными потоками. Но в то же время сегодняшняя международная миграция – это когнитивный процесс, где сами мигранты играют ключевую роль. Другими словами, в силу, с одной стороны, намного большей личной свободы людей в большинстве стран мира, а, с другой стороны, уменьшения эффективности традиционных инструментов, которые находятся в распоряжении суверенных государств, таких как системы квот, визы, разрешительная и правоохранительная системы, роль, которую играли государства в регулировании миграционных потоков, ослабла.

Надо отметить, что ослабление доминирующей роли государств в международных отношениях не ограничивается только сферой миграции. Термин «глобализация», употребляемый часто не столько для обозначения самого феномена глобализации, сколько таких явлений международной жизни, как универсализация, интернационализация, американизация или либерализация, в строгом концептуальном понимании должен означать эрозию традиционного верховенства принципов вестфальского суверенитета и исключительности юрисдикции государства в рамках своих политических границ. Каковы бы ни

⁸ По окончании Второй мировой войны, по разным оценкам, до 15 млн людей могли считаться перемещенными лицами, ожидавшими или возврата к месту своего прежнего жительства, или переезда к новому месту жительства. Кроме того, трудности послевоенной реконструкции способствовали формированию позитивных представлений об эмиграции: например, в Великобритании, согласно опросам общественного мнения в начале 50-х гг., до четверти населения рассматривало возможность эмиграции. В целом после войны в США переехало более 4 млн мигрантов, в Австралию и Канаду – по 2 млн в каждую. Около 1,5 млн переехало в Южную Америку и порядка 1 млн в Израиль. Большинство из послевоенных эмигрантов было из значительно пострадавшей от войны Европы [12].

⁹ Согласно данным Всемирного банка. URL: <http://go.worldbank.org/RR8SDPEHO0>.

были причины этой эрозии, сам факт сложно отрицать. В силу множества причин современные государства просто не могут действовать на международной арене, не принимая в расчет влияние и интересы других акторов, будь то транснациональные корпорации или неправительственные организации. Как следствие, при планировании миграционной политики современные государства вынуждены учитывать фактор глобализации и необходимости соблюдения права на миграцию [31; 33]). В свою очередь действия негосударственных акторов зачастую имеют решающее значение для принятия решения о миграции.

Другим важным аспектом изменения политических условий, который связан с феноменом глобализации, является доступность информации. Современный мигрант получает информацию из множества разнообразных источников: от членов сетей мигрантов; от компаний, специализирующихся на организации переезда за границу; через членов своей семьи; через средства массовой информации и, конечно, из Интернета. Помимо этого, важную роль в формировании социальной перцепции мигрантов начинает играть все более доступный международный туризм. Многим знакомы наблюдения, которыми делятся вернувшиеся из-за границы туристы с членами своих семей, коллегами, знакомыми и друзьями: от «там совсем не так, как я себе это представлял» до «я бы там не хотел жить», «хорошее место, чтобы провести пару недель, но я там бы не хотел жить постоянно» и «там бы я хотел жить».

Свобода передвижения и доступность информации – это два важнейших аспекта формирования социальной перцепции потенциального мигранта: в первом случае мигрант осведомлен о том, что миграция возможна, а во втором – имеет возможность представить для себя возможные сценарии миграции. Таким образом, в современных политических условиях можно предварительно определить международную миграцию как *добровольное перемещение мигранта на новое место жительства в результате изменившейся социальной перцепции, которое включает пересечение национальных (политических) границ*. Подчеркнем, что речь идет о предварительном и неокончательном определении миграции, так как нам все еще не хватает одного элемента, а именно того, который позволит определить природу сценариев миграции, в которых последняя рассматривается *in toto*. Этому посвящен следующий раздел данной работы.

IV. Структурное насилие, человеческое развитие и международная миграция

Концепция человеческого развития¹⁰ была введена в научный оборот после публикации в 1990 г. Программой развития ООН своего первого Доклада о человеческом развитии [41]. Связанный с этой концепцией термин «безопасность человека» появился впервые в другом докладе этой же организации,

¹⁰ Существуют разные варианты перевода терминов с английского языка на русский. В данной работе используются версии с уточнениями, представленные в Докладе ООН в 2011 г. См. разъяснение, данное ООН [5, с. 5]. В тех случаях, где отсутствуют автору опубликованные источники на русском языке, перевод сделан самим автором.

опубликованном четыре года спустя, в 1994 г. [41]. С другой стороны, нельзя не увидеть параллель между тем, как эксперты Организации Объединенных Наций трактуют современные процессы, и научным подходом, предложенным норвежским исследователем, считающимся основоположником науки о мире, Йоханом Галтунгом задолго до появления первого доклада ООН. Уже во второй половине 60-х гг. прошлого века, в дополнение к определению «негативного мира», связанного с прямым насилием, понимаемым как влияние войн, революций и вооруженных конфликтов на развитие человеческого общества, Галтунг впервые предложил концепцию «позитивного мира», который возможен при отсутствии структурного насилия [16].

В интерпретации Галтунга насилие – это все то, что препятствует наиболее полной реализации соматического и интеллектуального потенциала человека [16, с. 168]. Структурное насилие, в широком понимании этой концепции, – это наличие социальных институтов или социальной структуры, которые являются препятствием для реализации потенциала человека [16, с. 174]. Нетрудно заметить, что представление ООН о человеческом развитии как о «процессе расширения возможностей людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, а также решать другие задачи, которые, по их мнению, имеют для них значение» [5, с. 14], прямо перекликается с идеями Галтунга.

Кроме того, для целей нашей работы также важно иметь в виду концепцию «безопасности человека», трактуемую как уверенность людей в том, что процесс расширения «свобод и возможностей вести тот образ жизни, который они ценят и имеют основания ценить» и который «не сводится только к удовлетворению важнейших потребностей», так как «нормальная жизнь должна иметь много сторон» [5, с. 27], по меньшей мере не прекратится, а в оптимальном сценарии интенсифицируется. В этом контексте факт удовлетворения важнейших потребностей хотя и обладает для человека изначальной ценностью, в то же время сильно отличается от понятий жизненного уровня и потребления.

На основании вышеизложенного становится ясно, что при рассмотрении как элемента, связанного с гарантиями человеческого развития, проблемы экономического, социального и политического развития должны решаться комплексно, а не по отдельности. Кроме того, к прямому и структурному насилию необходимо также добавить культурное насилие, которое Галтунг понимает как те «аспекты культуры, символическое измерение нашего бытия, представленное идеологией или религией, речью и искусством..., которые могут использоваться для оправдания прямого или структурного насилия» [17, с. 291]. Другими словами, в этом контексте человек, который принимает решение о миграции, осуществляет субъективную оценку перспектив своего человеческого развития. Результатом такой оценки является формирование социальной перцепции, которая прямо связана и является основным детерминантом международной миграции, т. е. принятия решения в отношении того, стоит ли менять место жительства, стоит ли остаться на новом месте жительства, вернуться ли туда, где жили раньше, или искать другое место жительства.

Необходимо отметить, что предлагаемый теоретический подход к объяснению динамики миграционных процессов может быть применим для объ-

яснения как внутренней, так и международной миграции. Однако справедливо предположить, что когда потенциальный мигрант задумывается о кардинальной перемене своего образа жизни и о расширении сценариев своего человеческого развития, то он рассматривает в первую очередь возможность переезда в другую страну. Многочисленные исследования и отчеты официальных властей во многих странах подтверждают это предположение. Таким образом, в окончательном виде современная международная миграция определяется как *добровольное перемещение мигранта на новое место жительства, которое является результатом выбора мигрантом определенного сценария человеческого развития, сделанного на основе сформировавшейся социальной перцепции об уровне безопасности человека, и при котором пересекаются национальные (политические) границы.*

Предлагаемая новая концептуальная модель международной миграции, которая может быть сконструирована, на основе концепции структурного насилия, человеческого развития и безопасности человека, в отличие от традиционных теорий миграции позволяет анализировать международную миграцию в целом, без приоритета того или иного измерения этого процесса (см. табл.).

Таблица

Концептуальные модели международной миграции

Тип модели	Миграционная детерминанта	Фокус анализа	Период международной истории, наиболее интересующий исследователей
I. Макроэкономическая	Экономическое неравенство между странами и международное разделение труда	Глобальные и общенациональные экономические показатели	Вторая половина XIX – XX в.
II. Микроэкономическая	Экономическое неравенство между странами и международное разделение труда	Локальные и региональные экономические показатели; демографические данные	Вторая половина XX в.
III. Неоклассическая	Экономическое неравенство между странами и международное разделение труда	Индивидуальный потенциал мигранта (уровень образования, знание языков, мобильность и т. д.)	Вторая половина XX – начало XXI в.
IV. Социальные сети мигрантов	Наличие устойчивой социальной сети	Социальная сеть	1980-е гг. – начало XXI в.
V. Человеческое развитие и безопасность	Структурное насилие	Миграция в целом	Конец XX – начало XXI в.

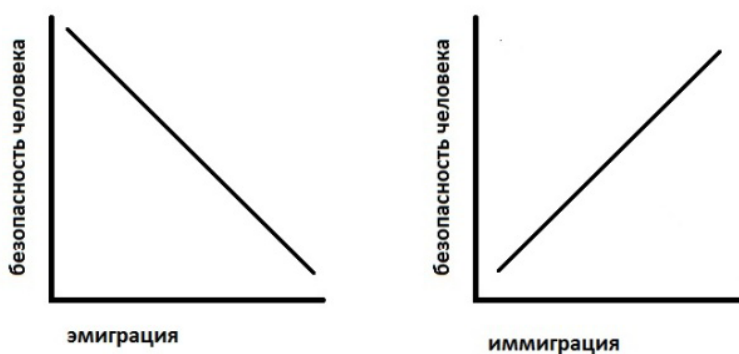

Рис. Миграция и безопасность человека

Вышеприведенный рисунок показывает, что вероятность принятия решения о миграции зависит от оценки мигрантами уровня безопасности человека. Иными словами, чем ниже уровень оценки безопасности человека в своей стране мигрантом, тем более высока вероятность эмиграции. И чем выше уровень оценки безопасности человека и сценариев человеческого развития в отдельно взятой стране мигрантами, тем выше уровень иммиграции в этой стране. Можно предположить, что если бы существовала возможность опроса большого числа мигрантов в течение достаточно длительного периода, то миграционные потоки в одной отдельно взятой стране показали бы, что их изменение отражает изменение перцепций мигрантов об уровне безопасности человека в этой стране. Однако и имеющихся данных достаточно, чтобы сделать первые выводы.

Для примера: на октябрь 2010 г., по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на территории России проживало более 11 млн людей, которые родились в других странах. Число приехавших в Россию с целью постоянного или продолжительного проживания, по тем же данным, в 2011 г. составило 356 тыс. В том же году российское гражданство получили 135 тыс. человек [35]. Подавляющее большинство людей, которые мигрировали в Россию, являются выходцами из стран бывшего СССР. Если интерпретировать данные, собранные специалистами в области социальных наук, не остается сомнения в том, что люди, выбравшие Россию для постоянного жительства, при принятии решения руководствовались соображениями о более высоком уровне человеческого развития в России и более высоком уровне безопасности человека, который получают эти мигранты в результате своей миграции в Россию¹¹.

Для сравнения: в США, стране с населением, в два раза превышающим население России, в том же году иммигрировали 482 тыс. человек, в то время как число получивших гражданство составило 694 тыс. человек. В стране проживают более 40 млн человек, которые родились в других странах [35].

¹¹ Такие выводы можно сделать после ознакомления с некоторыми опубликованными работами, такими как [2], [4], [7] и др.

Несомненно, что последние цифры сложно сравнивать с Россией, которая стала по-настоящему открытой для международной миграции только в конце прошлого века, в то время как США проводили и продолжают проводить активную политику привлечения международных мигрантов значительно более долгое время. И тем не менее тот факт, что в США число приехавших и уехавших, скажем мексиканских мигрантов, сравнялось, используя предлагаемую в этой работе концептуальную модель, может быть интерпретирован как результат изменения социальной перцепции в отношении безопасности человека и человеческого развития мигрантами из Мексики, находившимися в США или рассматривавшими эту страну в качестве своего следующего места жительства [36]. То же самое наблюдение может быть сделано, если задаться целью проанализировать изменение миграционных потоков в Европе.

V. Заключение

Основной задачей данной работы было продемонстрировать возможность конструирования новой концептуальной модели международной миграции, которая позволила бы рассматривать процессы миграции в целом, а не по отдельности. Было показано, что существующие основные теории миграции хотя и являются ценными инструментами для оценки тех или иных факторов миграции, не в полной мере позволяют оценить миграционную динамику в целом. В случае с теориями, авторы которых считают экономические факторы основными детерминантами миграции, возникают трудности с объяснением разнонаправленности миграционных потоков при наличии схожих социоэкономических условий. Кроме того, в экономических теориях роль мигранта является пассивной по отношению к экономическому дисбалансу и международному разделению труда. В случае с теориями, которые уделяют основное внимание анализу социальных сетей мигрантов, удается идентифицировать и описать очень важный аспект современной международной миграции. Однако и здесь возникают сложности с объяснением глубинных причин миграции.

Для преодоления трудностей, которые возникают при попытках использовать существующие теории миграции для оценки международной миграции в целом, в качестве первого шага было предложено рассматривать роль мигранта как активную, в контексте формирования социальной перцепции мигрантов. Изменение роли мигранта стало возможным благодаря изменению политических условий, которое началось во второй половине прошлого века и связано, с одной стороны, с эрозией эксклюзивности роли государств в планировании и регулировании международной миграции, а с другой стороны, с практической свободой передвижения и доступностью информации в большинстве стран мира.

Обращение к идее структурного насилия, предложенной Йоханом Галтунгом, в сочетании с концепциями человеческого развития и безопасности человека явилось следующим шагом. Следует отметить тот факт, что даже по прошествии более сорока лет после публикации упомянутой работы Галтунга

его идеи продолжают оставаться источником для развития теоретической базы социальных наук. В нашем случае и применительно к проблемам, связанным с международной миграцией, структурное насилие может считаться основным фактором, влияющим на оценку перспектив человеческого развития и уровня безопасности человека мигрантами и, в конечном счете, являться непосредственно связанным с принятием решения о миграции. Таким образом, удастся сконструировать общую концептуальную модель международной миграции, где последняя рассматривается в целом и считается результатом выбора мигрантом определенного сценария человеческого развития.

Список литературы

1. *Абылкаликов С. И.* Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда / С. И. Абылкаликов, М. В. Винник // Бизнес. Общество. Власть. – 2012. – № 12. – С. 1–19.
2. *Воробьева О. Д.* Проблемы и противоречия современной миграционной политики России // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 5. – С. 114–128.
3. *Ионцев В. А.* Международная миграция: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир. – М., 1999. – Вып. 3. – С. 53–105.
4. *Мукомель В. И.* Миграционная политика России: постсоветские контексты / В. И. Мукомель ; Ин-т социологии РАН. – М. : Диполь-Т, 2005. – 356 с.
5. Организация Объединенных Наций. Программа Развития. Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех. Резюме. – М. : Весь Мир, 2011. – 26 с.
6. Организация Объединенных Наций. Программа Развития. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга. – М. : Весь Мир, 2013. – 216 с.
7. *Рязанцев С. В.* Международная миграция в России: современные тенденции и направления совершенствования миграционной политики // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Социология. – 2006. – № 1. – С. 5–23.
8. Abbott K. Why States Act through Formal International Organizations / K. Abbott, D. Snidal // The Journal of Conflict Resolution. – 1998. – Vol. 42 (1). – P. 3–32.
9. Borjas G. Economic Theory and International Migration // International Migration Review. – 1989. – Vol. 23 (3). – P. 457–485.
10. Migration Theory: Talking across disciplines / eds. Brettell C. B., James F. Hollifield. – N. Y. ; Oxon : Routledge, 2007.
11. DaVanzo J. Microeconomic Approaches to Studying Migration Decisions. – Santa Monica : RAND, 1980.
12. Durand J. Processes of Migration in Latin America and the Caribbean (1950–2008) // Human Development Research Paper (HDRP) Series. – 2009. – Vol. 24.
13. Endoh T. Exporting Japan: Politics of Emigration to Latin America / T. Endoh. – Chicag : University of Illinois Press, 2009.
14. Faist T. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces / T. Faist. – Oxford : Oxford University Press, 2000.
15. Finnemore M. International Norm Dynamics and Political Change / M. Finnemore, K. Sikkink // International Organization. – 1998. – Vol. 52 (4). – P. 887–917.
16. Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. – 1969. – Vol. 3. – P. 167–191.

17. Galtung J. Cultural Violence // *Journal of Peace Research*. – 1990. – Vol. 27 (3). – P. 291–305.
18. Garranzo García R. Centroamérica: entre la violencia y el desarrollo / R. Garranzo García, M. Colomer // *Política exterior*. – 2013. – Vol. 27 (155). – P. 168–177.
19. Grinberg L. Psicoanálisis de la migración y del exilio / L. Grinberg, R. Grinberg. – Madrid : Alianza Editorial, 1984.
20. Haas H. International migration, remittances and development: myths and facts // *Third World Quarterly*. – 2005. – Vol. 26 (8). – P. 1269–1284.
21. Haas H. Migration and development. A theoretical perspective. Working Paper No. 9 / H. Haas. – Oxford : International Migration Institute, 2008.
22. Hagen-Zanke J. Why do people migrate? A review of the theoretical literature, Working Paper No. 2, Maastricht University, 2008.
23. Harris J. R. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis / J. R. Harris, M. Todaro // *American Economic Review*. – 1970. – Vol. 60 (1). – P. 126–142.
24. Katz E. Labor mobility under asymmetric information with moving and signalling costs / E. Katz, O. Stark // *Economics Letters*. – 1986. – Vol. 21(1). – P. 89–94.
25. Lee Everett S. A. Theory of Migration // *Demography*. – 1966. – Vol. 3 (1). – P. 47–57.
26. Lewis A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // *The Manchester School*. – 1954. – Vol. 22 (2). – P. 139–191.
27. López de Lera D. Emigración, inmigración y retorno: tres etapas de un mismo proceso // *Polígonos. Revista de Geografía*. – 2010. – No. 20. – P. 9–27.
28. Maldonado R. Remittances to Latin America and the Caribbean in 2012: Differing behavior across subregions / R. Maldonado, M. Hayem. – Washington : Multilateral Investment Fund, Inter-American Development Bank. – 2013.
29. Massey D. International Migration at the Dawn of the Twenty-First Century: The Role of the State // *Population and Development Review*. – 1999. – Vol. 25 (2). – P. 303–322.
30. Theories of International Migration: A Review and Appraisal / D. Massey [et al.] // *Population and Development Review*. – 1993. – Vol. 19 (3). – P. 431–466.
31. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium* / D. Massey [et al.]. – Oxford : Oxford University Press, 1998.
32. Mayda A. M. International migration: a panel data analysis of the determinants of bilateral flows // *Journal of Population Economics*. – 2010. – Vol. 23 (4). – P. 1249–1274.
33. McAdam J. A. An Intellectual History of Freedom of Movement in International Law: The Right to Leave as a Personal Liberty // *Melbourne Journal of International Law*. – 2011. – Vol. 12 (1). – P. 27–56.
34. Mora J. Determinants of Migration, Destination, and Sector Choice: Disentangling Individual, Household, and Community Effect / J. Mora, J. E. Taylor // *International Migration, Remittances, and the Brain Drain* / ed. by Caglar Ozden and Maurice Schiff. – Washington. : World Bank and Palgrave Macmillan UK. – 2006. – P. 21–52.
35. OECD. *International Migration Outlook*. OECD Publishing. – 2013.
36. Net Migration from Mexico Falls to Zero—and Perhaps Less, A Report of Pew Hispanic Center / Passel J. [et al.]. – URL: http://www.pewhispanic.org/files/2012/04/Mexican-migrants-report_final.pdf.
37. Portes A. New research and theory on immigrant transnationalism // *Global Networks*. – 2001. – Vol. 1(3). – P. 181–184.
38. Portes A. Contemporary immigration: theoretical perspectives on its determinants and modes of incorporation / A. Portes, J. Borocz // *International Migration Review*. – 1989. – Vol. 23. – P. 606–630.

39. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. – 1885. – Vol. 48. – P. 167–235.
40. Taylor J. E. Differential Migration, Networks, Information and Risk // Migration Theory, Human Capital and Development / ed. by O. Stark, Greenwich. CT : JAI Press. – 1986. – P. 147–171.
41. United Nations Development Programme, Human Development Report. – N. Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1990.
42. United Nations Development Programme, Human Development Report. New Dimensions of Human Security. – New York and Oxford : Oxford University Press, 1994.
43. Velasquez F. Approaches to the Study of International Migration: A Review // Estudios Fronterizos. – 2000. – No. 1 (1). – P. 137–168.
44. Open the Social Sciences / Wallerstein I. ed. – Stanford : Stanford University Press, 1997.

Human Development, Contemporary Political Settings and International Migration

V. V. Rouvinski

Icesi University, Cali, Columbia; Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The aim of this paper is to show the possibility of crafting a new theoretical model of international migration that would enable researchers to take into account the political settings of the early 21st century. In order to do so, the author firstly critically examines the mainstream theories of migration that dominate today's academic literature. As a result of this analysis, it is concluded that, despite of the fact that many of the proposed theoretical approaches are quite useful for understanding certain aspects of the migration process, when it comes to the task of analyzing international migration as a whole, no conceptual model exists. The paper demonstrates that apart from the theories that are focusing on only one of migration's dimensions, albeit the most significant from a particular disciplinary perspective, the introduction of a general model is a necessary step to reach a better understanding of the nature of contemporary migration processes. The author argues that such a model can be constructed using the theory of structural violence proposed by Johan Galtung and the concepts of human development and human security.

Keywords: migration, migration theories, structural violence, human development, human security.

Рувинский Владимир Владиславович
кандидат исторических наук,
директор, Исследовательский центр СИЕС
(ICESI), профессор, факультет права и
социальных наук, Университет Исеси,
г. Кали, Колумбия, приглашенный исследователь
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–408
тел. 8(3952)202270
e-mail: vrouvinski@icesi.edu.co

Rouvinski Vladimir Vladislavovich
Candidate of Sciences (History),
Director, Center for Research ICESI,
Professor, Faculty of Law and Social
Sciences, Iseci University, Cali, Colum-
bia, Invited Researcher,
Irkutsk State University
1–408, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)202270
e-mail: vrouvinski@icesi.edu.co